

В. О. Зверев

Военные секреты в довоенном Парламенте царской России

С возникновением в России двухпалатного высшего законосовещательного учреждения — Парламента — его деятельность в межвоенный период времени (1906–1914 гг.) характеризовалась широким спектром обсуждаемых проблем. Одной из главных забот Государственной думы и Государственного совета было финансовое обеспечение программ укрепления вооруженных сил и обороноспособности государства.

Центральным органом в структуре нижней палаты, монополизировавшим право решения всех военных вопросов, стала комиссия по государственной обороне. С одной стороны, появление политически однородного, влиятельного и независимого «околовоенного института» в законосовещательной власти вскоре после проигранной Русско-японской войны было явлением закономерным и обоснованным. Ослабленные флот и армия, не желая повторения Цусимы и порт-артурской трагедии на театрах будущих сражений, нуждались в глубоком реформировании. Надеяться на своевременное и окончательное решение этой задачи можно было лишь при наличии заинтересованных лиц в Государственной думе. С другой стороны, возникновение очередной профильной комиссии стало следствием, как верно подметил генерал А. И. Деникин, развязавшейся «борьбы» между Военным/Морским министерствами и Государственной думой. Первые «ревниво оберегали от любознательности Думы сущность вносимых законодательных предположений», вторая настойчиво стремилась ее разузнать. В итоге специально образованная комиссия по государственной обороне «добилась права обсуждать по существу, „осведомившись через специалистов“, такие, например, важные дела, как многомиллионные ассигнования на флот и реорганизацию армии»¹.

Зверев Вадим Олегович,

кандидат

исторических наук,

доцент,

Омская академия МВД

России

(Омск, Россия)

Согласно вышеуказанным мемуарам, «осведомление» шло двумя путями. Первый — при посредстве «официальных докладчиков военного и морского ведомств, которые давали комиссии лишь формальные сведения, опасаясь, что излишняя откровенность... может повредить делу обороны»². Не согласимся с автором этих слов лишь в той части, что каждая официальная бумага имела «формальные сведения». Можно ли причислить к разряду «формальных», а значит несущественных, содержание документов из Главного управления генерального штаба и Морского генерального штаба, помеченных грифом «Секретно»? Безусловно, нет. А представлений из этих ведомств в Государственной думе только в 1911–1912 гг., по нашим подсчетам, было шестнадцать. К наиболее впечатляющим (судя по названиям) можно отнести следующие из них: «Об ассигновании 1.120 руб. золотом на увеличение материального обеспечения военного агента в Черногории», «О программе усиленного судостроения 1912–1916 гг.», «Об увеличении ежегодного ассигнования по смете Морского Министерства на „секретные расходы“ с 90.000 р. до 200.000 р.»³

Вникнув в актуальность изложенных военным и морским командованием проблем, а также обоснованность испрашиваемых кредитов, депутаты становились секретносителями.

От себя добавим: комиссия по государственной обороне порой не удовлетворялась лаконичными представлениями, которые поступали в Государственную думу или оглашались в ней. Выяснилось, что А. И. Гучков (как ее председатель) и некоторые члены комиссии (докладчики по ключевым вопросам обороноспособности страны⁴) изыскивали дополнительные источники информирования среди офицеров среднего звена и вольнонаемных служащих. Вот что сказал по этому поводу В. Н. Коковцов: большая осведомленность депутатов «проистекала из особого умения... извлекать негласным путем разные сведения от второстепенных чинов Военного ведомства»⁵. Конкретнее выразился сподвижник А. И. Гучкова по «Союзу 17-го октября» Н. В. Савич. Имея в виду свои встречи и контакты А. И. Звегинцева с моряками и служащими морского ведомства, «свободными от влияния и давления начальства», он подчеркнул: «То были добровольцы-осведомители... Их речи были более откровенными... Они дополняли и расшифровывали то, что официальные представители ведомства обходили молчанием или ограничивались намеком»⁶.

Существовал и второй путь пополнения комиссии по государственной обороне специальными знаниями, который Деникин назвал «путем частным». Имея недостаточно знаний о текущих проблемах в вооруженных силах и потребность в их квалифицированном обсуждении, А. И. Гучков инициировал создание военного кружка из талантливых и перспективных генералов и старших офицеров Военного министерства (генералы А. З. Мышлаевский, Н. Н. Янушкевич, Ю. Н. Данилов, полковники Д. З. Филатьев, А. С. Лукомский и др.).

Под руководством генерала В. И. Гурко кружок функционировал два года. «На совместных с членами Думы частных собраниях обсуждались широко и откровенно вопросы военного строительства, подлежащие внесению на рассмотрение Думы»⁷.

А. И. Гучков, как один из непосредственных участников всех заседаний кружка, обладал, по мнению А. Ф. Смирнова, «огромной информацией, связанной с молодыми офицерами Генштаба...»⁸. Так, в ходе личного общения с последними, председатель комиссии по государственной обороне располагал данными «о том, что... секретные суммы, выдаваемые на контрразведку и разведку, расходуются не на вылавливание иностранных агентов и создание собственных разведкадров, а на организацию жандармского сыска за офицерами армии и флота...»⁹.

Помимо занятости в указанной организации, А. И. Гучков взаимодействовал с другими высокопоставленными армейскими чинами. Интересующие его данные, допустим, о состоянии русской обороны, черпались из частных диалогов с генералами Н. И. Ивановым (впоследствии главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта в Первой мировой войне) и М. В. Алексеевым (впоследствии главнокомандующий армиями Северо-западного фронта в Первой мировой войне). А. И. Гучков, не скрывая пользы от этих бесед, говорил, что военачальники «в дискретной форме помогали мне ориентироваться в военных вопросах, указывая главные потребности»¹⁰.

Наряду с основными и второстепенными путями поступления секретных сведений в комиссию по государственной обороне, немалое значение в части массового осведомления депутатского корпуса отводилось формату закрытых заседаний Государственной думы. В общих собраниях (без участия приглашенных лиц) оглашались особые законопроекты и доклады по ним. К числу тех из них, которые прошли обсуждение в профильных комиссиях (прежде всего, комиссии по государственной обороне, комиссии по судебным реформам, комиссии по направлению законодательных предположений, бюджетной комиссии) и имели гриф «Секретно», отнесем такие, как: «О присвоении Приамурскому генерал-губернатору постоянных полномочий по изданию обязательных постановлений, ограждающих вверенный ему край от иноземного шпионства» (1910 г.)¹¹, «Об ассигновании денежных средств на борьбу с военным шпионством в империи» (1911 г.)¹², «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» (1912 г.)¹³.

Изложенные в этих документах проблемы внешней безопасности России пополняли багаж знаний гражданских лиц (народных избранников) о теории и практике иностранного шпионажа и насущной потребности в организации борьбы с этим военно-криминальным явлением.

По схожему принципу — изучение законопроектов (но уже одобренных депутатами Государственной думы) в профильных комиссиях (главным образом, в финансовой

комиссии) и утверждение их на общем собрании — выстраивалась деятельность Государственного совета. В качестве примера можно привести рассмотрение финансовой комиссией (а затем и коллективное обсуждение) секретного доклада по делам «Об отпуске из государственного казначейства средств на выдачу вознаграждения чинам научно-технической лаборатории Морского ведомства» и «Об отпуске из государственного казначейства средств на секретные расходы Министерства Иностранных Дел»¹⁴.

Режим секретности в Парламенте регламентировался двумя правовыми актами — «Об утверждении правил об охране должного порядка в помещениях Государственного совета и Государственной думы, и о допущении на заседания Государственного совета и Государственной думы посторонних лиц» (1906 г.), а также «Об охранении порядка в помещениях Государственной думы и о допущении на заседания Государственной думы посторонних лиц» (1907 г.)¹⁵.

Согласно первому из них, всем желающим (прежде всего дипломатам иностранных государств, представителям отечественной и зарубежной прессы) посещения Парламента и освещение его работы разрешались при наличии так называемых именных билетов. Они выдавались Государственной Канцелярией Государственного совета по согласованию с его председателем. Кроме того, при входе в здание верхней палаты Парламента приглашенному вручался «особый знак», удостоверявший право его нахождения в помещениях Совета. При объявлении открытого заседания закрытым, «все без изъятия допущенные в заседание посторонние лица обязаны немедленно оставить предназначенные для заседания помещения...»¹⁶. Второй документ, предъявлял более жесткие требования к визитерам. Помимо указанных выше общих процедур, к именному билету владельца прикладывалась его фотографическая карточка. В тексте также можно было прочитать: «В закрытые заседания Государственной думы, равно как и в помещения, предназначенные для членов Государственной думы, никто из посторонних лиц, в том числе, и представители печати, допущены быть не могут...»¹⁷. Подобное принуждение, в целях сохранения государственных тайн от посторонних людей, как действенная контрмера практиковалось и в других странах мира (в частности, в Конституционной палате Китая¹⁸).

Если за соблюдением «благопристойности, ...тишины и спокойствия» в Государственном совете следили лишь штатные приставы, то одноименную функцию в Государственной думе выполняли не только приставы, но и специализированное подразделение охраны Таврического дворца. Причем, как видно из п. 14: «В случае сомнений в посторонних лицах, Заведующий охраной Таврического дворца, может отказать в допуске их в помещения Думы (даже при наличии у гостей именных билетов. — В. З.)...»¹⁹

Из сказанного следует, что государство в лице полицейских чиновников осуществляло лишь охрану законосовещательных учреждений и соблюдение общественного порядка в них. И только одно юридическое положение было призвано способствовать сбе-

режению военных секретов от шпионов – это запрещение посетителям присутствовать на закрытых заседаниях парламентариев. Однако и оно не всегда служило непреодолимым препятствием для прессы. Журналисты были готовы удовлетворить информационные запросы самых взыскательных заказчиков (включая читателей). Из письма министра финансов В. Н. Коковцова на имя председателя Государственной думы Н. А. Хомякова от 7 ноября 1907 г. № 641 (с пометкой «Доверительно») следует, что «...хотя происходящее в закрытых заседаниях не должно подлежать огласке, однако в печати постоянно появляются сообщения частных корреспондентов, воспроизводящие отчеты о закрытых заседаниях Думы...»²⁰. Другим примером нарушения режима секретности и потери данных, представляющих военный интерес, является публикация в частной газете «Военные известия Дальнего Востока». Телеграмма, присланная ее петербургским корреспондентом, содержала уникальные подробности одного из дней в деятельности Государственной думы: «В *закрытой части* (курсив наш. — В. З.) заседания комиссия заслушала стратегический обзор и сообщение Моргенштаба о минной обороне побережья Балтийского моря. Выяснилось, что ...орудия вполне обеспечены штатным числом мин, разработан новый вид подводной лодки...; изыскан способ превращения мин старого образца в дальнобойные...»²¹.

Каким же образом происходила утрата военных секретов в Парламенте межвоенной России, и имела ли эта практика массовый характер?

В ходе проведенного исследования нам удалось установить четыре наиболее вероятных канала утечки важных сведений вовне. Первый, как видно из вышеприведенных документальных упоминаний, был связан с тиражированием военных секретов на широкую читательскую аудиторию в прессе. Это стало возможным из-за усилий журналистов и, вероятно, состоявших с ними в коррупционной связи отдельных депутатов. К примеру, только внешней зависимостью (денежной, имущественной и др.) может быть обусловлен аморальный поступок духовного служителя и депутата, описанный в сообщении ежедневника «Север Кавказа»: «Член третьей думы священник Севдеренко, сотрудничающий в “Подольских известиях”, по распоряжению консистории, заточен в монастырь, за участие в неподобающих сану газетах. Консистория грозит лишить его сана в случае продолжения сотрудничества»²².

Помимо некоторых репортеров, в инициативном порядке или по заданию редакции пренебрегавших указанной выше запретительной нормой права, истории первых лет парламентаризма в России известны попытки формализовать это законоположение посредством получения официального доступа в закрытые заседания Государственной думы. В 1911 г. директор-распорядитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства О. И. Ламкерт добился разрешения от морского и военного министров, не желавших ухудшать отношения с либеральной прессой, на посещение закрытых заседаний

Государственной думы²³. Однако последним барьером на пути «газетчиков» стал председатель нижней палаты Парламента М. В. Родзянко, наложивший собственноручную и окончательную резолюцию на их прошение: «Отклонить»²⁴.

Второй канал растраты военно-секретных сведений, а также несекретных, но способных заинтересовать иностранные разведки, заключался в их распространении через устные высказывания депутатов и членов Государственного совета в общих собраниях. Выступая 25 июня 1912 г. на 81-м (закрытом) заседании верхней палаты Парламента по проблеме принятия нового закона о шпионаже, С. Ю. Витте заявил: «По вопросу о военных и вооруженных силах России (парламентарии. — В. З.) произносят такие речи, представляют такие данные, которые облетают всю Европу и которые составляют, по моему убеждению, государственный секрет»²⁵. Здесь же он добавил, что в законодательных учреждениях рассматриваются вопросы, которые по Основным законам империи не подлежат рассмотрению в них²⁶.

Действительно, комиссия по государственной обороне Государственной думы, благодаря харизматичности, амбициозности, энергичности А. И. Гучкова, его тесным контактам с военным министром А. Ф. Редигером, помощником военного министра А. А. Поливановым и другими крупными генералами и офицерами Военного министерства России, расширительно толковала данные ей законодателем прерогативы. В этой связи С. Ю. Витте, недоумевая по поводу все возрастающего околвоенного любопытства народных избранников, вновь подчеркивал: «...Учреждения законодательные касаются часто вопросов, до них совершенно не касающихся»²⁷.

С «допуском» всех депутатов к ознакомлению с секретной корреспонденцией (адресованной Парламенту) мы связываем наличие третьего канала пропажи сведений государственного значения, а вместе с ними и документов. Наглядной тому иллюстрацией может служить небезызвестная «шпионская история» пристава Государственной думы Унгерна фон-Штернберга, а также неизвестные обстоятельства расследования его вины.

Летом 1910 г. следователь по важнейшим делам Санкт-Петербургского окружного суда П. А. Александров попытался отследить этапы прохождения в нижней палате Парламента законопроектов военного министра о контингенте новобранцев призывов 1909 г. и 1910 г., позже проданных австро-германской разведке. К каким же выводам ему удалось придти по итогам переписки с Канцелярией Государственной думы? Во-первых, из военного ведомства в экспедицию Канцелярии Государственной думы поступило 600 печатных экземпляров представлений Военного министерства о величине контингента новобранцев в призыв 1909 г. и 1910 г. (из них 5 экземпляров переданы в финансовый отдел Государственной думы)²⁸. Во-вторых, в делах экспедиции финансового отдела «не имеются полученные 17 апреля 1909 г. пять экземпляров за №№ 116, 117, 118, 119, и 120 пред-

ставлений Военного министра о контингенте новобранцев в призыв 1909 г., а также нет сведений о том, кому они были выданы»²⁹. В-третьих, экземпляры указанных документов выдавались членам комиссии по государственной обороне по их личному требованию. Кто из них получил соответствующие тексты, неизвестно, так как под расписку секретные представления передавались только членам Государственной думы, не входившим в состав комиссии³⁰. И, в-пятых, печатные экземпляры (точнее, копии, не подписанные министром В. А. Сухомлиновым) могли унести из Государственной думы после получения их отдельными ее членами³¹.

Вместе с беспрецедентными фактами повсеместной халатности и безответственного обращения с грифовой документацией, выявленными следователем Александровым, были и другие грубые нарушения режима секретности. По нашим данным, в Государственной думе имелся единственный способ уничтожения отработанных секретных представлений и законопроектов — их сожжение. Но, несмотря на официальный характер этой процедуры (работу специальной комиссии и составление ее членами актов об уничтожении), ликвидации не подлежали многие документы. Так, неизвестно, что стало с шестнадцатью экземплярами доклада по законопроекту «О программе усиленного судостроения на 1912–1916 гг. (секретное представление Морского министерства по Морскому генеральному штабу от 5 марта 1912 г.)», которые не возвратили депутаты бюджетной комиссии в соответствующую канцелярию Государственной думы³². А из 34 сданных экземпляров, судя по «Акту об уничтожении секретных комиссионных докладов и законопроектов, внесенных в 1912 г.» (дата подписания акта 17 июня 1914 г.), значились сожженными всего 32 документа³³.

Кроме того, труды комиссии по уничтожению секретной документации были нерегулярными (то есть «не привязанными» к перевыборам Государственной думы или сессионным циклам ее созывов). Если и наблюдалась хронологическая зависимость, то она была не более чем совпадением. Из обнаруженного нами архивного дела видны редкие эпизоды процесса ликвидации секретных материалов довоенного времени: 31 октября 1910 г., 16 и 17 июня 1914 г.³⁴ Из семи сессий (с 1 ноября 1907 г. по 14 июня 1914 г.), в ходе которых были рассмотрены секретные законопроекты, только после окончания второй сессии в деятельности Государственной думы IV созыва состоялось то самое совпадение. И все же комиссия уничтожила секретосодержащие документы не за сессию, а лишь те, что скопились за 1910–1912 гг. (дата подписания актов 16 и 17 июня 1914 г.).

По авторским подсчетам, до начала мировой войны комиссия собиралась трижды и сожгла 3 214 экземпляров секретных материалов³⁵. Эту цифру можно назвать мизерной, если учесть, что только упомянутые ранее представления о величине контингента новобранцев в призыв 1909 г. и 1910 г. были распечатаны в количестве 600 экземпляров. А если 600 умножить на 16 (напомним, это общее число секретных законопроектов,

рассмотренных депутатами в 1911–1912 гг.), то получится 9 600 экземпляров, то есть гораздо больший суммарный показатель документов, по неясной причине миновавших ликвидацию. Это предположение частично подтверждается «Актом об уничтожении секретных комиссионных докладов и законопроектов, внесенных в 1912 г., 1913 г. и 1914 г.», датированным 29 и 31 июня 1915 г. Согласно ему, за два дня в огне сгорело еще 1527 «довоенных» экземпляров³⁶.

Наконец, четвертый канал потери сведений государственной важности заключался в их инициативной и легальной передаче иностранным учреждениям политической власти. С. Ю. Витте говорил по этому поводу: «Какой тут шпионаж нужен? Никакого шпионажа не нужно. Государственная Типография целый год систематически печатает всевозможные сведения, касающиеся нашей обороны, и рассылает эти сведения по всему С.-Петербургу. Надо быть наивным человеком или сидеть запертым в 4-х стенах канцелярии, чтобы полагать, что этих сведений никто не читает. Эти сведения все читают, все знают, и они высылаются за границу...»³⁷

Действительно, как видно из письма секретаря Канцелярии Государственной думы начальнику типографии Государственной думы от 5 ноября 1911 г. № 2841, типография рассылала издания Государственной думы иностранным парламентам. Причем речь шла о ежемесячной отправке стенографических отчетов, сброшюрованных по томам в законодательные органы 38 стран (в том числе в парламенты Германии, Баварии, Австрии)³⁸.

Понимая, что тиражируемая в больших объемах печатная продукция о деятельности нижней палаты российского Парламента изучается не только иностранными коллегами, но и военными разведками будущих врагов, С. Ю. Витте говорил о необходимости принять меры, «чтобы все эти фолианты не переходили за границу с такой легкостью, с какой можно купить на Невском проспекте папиросы для курения...»³⁹

Завершая изложение документальных фактов и исторических событий о военно-секретной стороне деятельности Государственной думы и Государственного совета, а также случаев «утечки» имевшихся в их производстве секретных и несекретных сведений/документов за рубеж, остановимся на некоторых выводах.

1. После поражения России в войне с Японией, Государственная дума воспринималась в высших военных кругах как единственный либеральный орган власти, способный своими законотворческими усилиями и финансовыми инициативами вернуть России статус великой державы. Для скорейшего удовлетворения своих ожиданий генералы и старшие офицеры Военного и Морского министерств оказывали посильное содействие депутатскому корпусу (комиссии по государственной обороне), консультируя его по делам армии и флота. Нежелание военных скрывать ведомственные проблемы, а вместе с ними и военные секреты, объяснялось стремлением многих из них модернизировать наступательные силы и оборонительный потенциал государства, а также патриотическим поды-

емом, великодержавными и реваншистскими настроениями, бытовавшими в армейской среде.

Практика сближения (откровенности) с отдельными депутатами, нередко выходившая за пределы профессиональной этики и морали русского офицерства, имела место и потому, что высокопоставленные военные чины осознавали зависимость успешного реформирования военной сферы от величины и интенсивности соответствующих ассигнований, выделяемых со стороны государственной власти. А главным инструментом распоряжения ее финансовыми ресурсами, о чем не могли не знать в высшем руководстве армии и флота, была КГО нижней палаты Парламента.

2. Недостаток опыта безопасного пользования военно-секретной документацией (военными секретами) и ее ответственного и длительного хранения привели к созданию в Государственной думе условного режима секретности. Его очевидными проявлениями стали: нерегламентированный оборот документов в профильных комиссиях, отсутствие ограничений/запретов на вынос документов из служебных помещений (из здания Таврического дворца), отсутствие ведомственной инструкции о порядке обращения с секретными документами, отсутствие контрольно-ревизионного органа по проверке соблюдения режима секретности в комиссиях. К проявлениям номинальной секретности также отнесем недостаточность условий для многомесячного и множественного хранения документов, диспропорцию между огромными объемами поступающих докладов/представлений/законопроектов и количеством официально уничтоженных бумаг. Переизбыток аналитических и статистических материалов, освещающих процессы модернизации флота и реорганизации сухопутных сил, в помещении Канцелярии Государственной думы и сейфах профильных комиссий был хорошей «приманкой» для различных категорий злоумышленников — от бесчестных канцелярских служащих, коррумпированных журналистов и депутатов до агентов иностранных разведок.

3. Российский Парламент, и прежде всего его нижняя палата, в довоенный период времени превратился в единый многоканальный государственный центр систематической утраты военных секретов и несекретных сведений о военных и морских силах, военно-индустриальном комплексе. На всю Россию и Европу в устном и письменном виде их ежедневно транслировали депутаты, иностранные дипломаты и аккредитованные в Государственной думе отечественные и зарубежные журналисты. А те сведения, которые по объективным причинам оказывались недоступными (депутатские запросы, стенографические отчеты, цензурированные выдержки закрытых заседаний и др.), Канцелярия Государственной думы отправляла почтой в иностранные парламенты. Отсюда следует, что ни одно более или менее заметное событие в военной и морской жизни России, обсуждаемое ее законосовещательной властью, не могло пройти незамеченным и в генеральных штабах Германии, Австро-Венгрии, Японии и других, в первую очередь крупных

европейских стран. А если это так, то наличие столь благоприятных условий для получения разведанных о противнике ставило на повестку дня закономерный вопрос о нецелесообразности создания в русском Парламенте широкой агентурной сети.

¹ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 2003. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Государственная Дума III созыва. 1907–1912 гг. Материалы (секретно). Доклады (в закрытых заседаниях). СПб., 1911–1912.

⁴ Докладчиками по секретным законопроектам, допустим, в 1912 г. были граф Э. П. Беннигсен, А. П. Вишневецкий, А. И. Гучков, А. И. Звегинцев, А. А. Потоцкий, В. В. Хвоцинский, Е. М. Шейдеман. См.: Государственная Дума III созыва. 1907–1912 гг. Материалы (секретно). Доклады (в закрытых заседаниях). СПб., 1911–1912.

⁵ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: В 2 кн. Кн. 2. М., 1992. С. 51.

⁶ Савич Н. В. Воспоминания. СПб., Дюссельдорф, 1993. С. 39.

⁷ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 107.

⁸ Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг. Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 404.

⁹ Там же.

¹⁰ Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и Военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 7.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1278. Оп. 4. Д. 350. Л. 34–47; Государственная Дума. III Созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть IV. СПб., 1910. Стб. 2869–2882.

¹² РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1157. Л. 18.

¹³ Там же. Д. 2270. Л. 91.

¹⁴ Государственный Совет. Сессия VI. 1910–1911 гг. Доклады финансовой комиссии Государственного Совета по законопроектам, внесенным в VI сессию (1910–1911 гг.) № 1–78. СПб., 1911. С. 334.

¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 152. Л. 1–2, 7–9.

¹⁶ Там же. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Правила для посторонних посетителей заседаний Конституционной палаты // Китай и Япония. Обзор периодической печати. 1910. № 6. С. 8–10.

¹⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 152. Л. 8.

²⁰ Там же. Д. 175. Л. 1.

²¹ Телеграммы нашего корреспондента // Военные известия Дальнего Востока. 1908. № 15. 3 февраля. С. 3.

²² Сотрудничество в газетах // Север Кавказа. 1913. № 30. 6 февраля. С. 3.

²³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 152. Л. 21, 22.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 177. Л. 169.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

- ²⁸ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1157. Л. 8.
²⁹ Там же. Л. 10.
³⁰ Там же. Л. 13.
³¹ Там же.
³² Там же. Д. 3204. Л. 12.
³³ Там же. Л. 12, 82–85.
³⁴ Там же. Л. 25–26, 27–30, 82–85.
³⁵ Подсчитано автором. Источник: Там же.
³⁶ Там же. Л. 138–140 об.
³⁷ Там же. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 177. Л. 169.
³⁸ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1599. Л. 22–24.
³⁹ Там же. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 177. Л. 170.

УДК 94(47).083

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.205

Зверев В. О. Военные секреты в довоенном Парламенте царской России // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 83–94.

АННОТАЦИЯ: В канун 110-й годовщины со дня образования отечественного парламентаризма представлена первая в современной российской историографии попытка осмысления военно-секретной стороны деятельности высших законодательных учреждений власти. Выявлены пути поступления военно значимых (военно-секретных) сведений в профильные комиссии Государственной думы и Государственного совета (комиссию по государственной обороне, финансовую комиссию и др.). Отмечено личное участие А. И. Гучкова и Н. В. Савича в процессе выявления текущих проблем русской армии и флота, а вместе с ними и военных секретов. Установлен широкий круг их общения в среде армейских и морских офицеров и генералов. Рассмотрены нормативные правовые акты, регламентирующие функционирование механизма сохранения военных тайн (режима секретности в Парламенте). Дана оценка его неэффективности и неспособности решать нетипичные задачи посредством типовых полицейских мер. Проанализированы пути «утечки» военных секретов из Государственной думы и Государственного совета. Первый из них был связан с тиражированием военных секретов на широкую читательскую аудиторию в прессе (из-за деятельности журналистов). Второй канал растраты военно-секретных сведений и сведений несекретных, но способных заинтересовать иностранные разведки, заключался в их распространении посредством устных высказываний и речей депутатов и членов Государственного совета в общих собраниях. С «допуском» всех депутатов к ознакомлению с секретной корреспонденцией (адресованной Парламенту) мы связываем наличие третьего канала утраты сведений государственного значения и документов для служебного пользования. Наконец, четвертый канал потери сведений особой важности заключался в их инициативной и легальной передаче иностранным учреждениям политической власти. К началу Первой мировой войны правительства, политические учреждения, а вместе с ними и разведывательные органы заинтересованных держав (государств-противников России) могли иметь достаточное представление об основных направлениях реформы русских вооруженных сил, содержании и кредитовании ее основных проектов. Введение в научный оборот ранее не известных специалистам архивных документов и материалов отечественной прессы позволило обосновывать версию о сложившейся практике массовой «утечки» военных секретов из законосовещательных учреждений межвоенной России (в том числе за рубеж).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: комиссия по государственной обороне, военные секреты, военный кружок, режим секретности, газеты, закрытые заседания, шпионаж

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Омская академия МВД России (Омск, Россия); zverevoma@mail.ru

FOR CITATION:

Zverev V. O. **Military Secrets in Parliament of Pre-war Tsarist Russia**, *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. P. 83–94.

ABSTRACT: On the eve of the 110th anniversary of the founding of the national parliamentarism, it presented the first in modern Russian historiography attempt to comprehend the secret military aspects of the activities of institutions of higher legal power. The ways of entering a military significant (military secret) information to the profile committee of the State Duma and the Council of State (the National Defence Committee, Financial Committee and others.). All noted private participation Guchkov and N. V. Savic in identifying the problems the Russian army and navy, and with them, and military secrets. Established a wide range of communication among the army and marine officers and generals. Normative legal acts regulating the functioning of the mechanism of preserving military secrets (mode of privacy in the Parliament). The estimation of its neeffek-efficiency, and the inability to solve unusual problems using standard policing. The ways of the «brain» of military secrets from the State Duma and the State Council. The first of these was associated with replication military secrets to a wide readership in the press (thanks to the work of journalists). The second channel embezzlement of military classified information and non-classified information, but could interest foreign intelligence services is their propagation through oral statements of deputies and members of the State Council in general meetings. With the «tolerance» of all deputies to the dissemination of confidential correspondence (addressed to the Parliament) we associate the presence of the third channel loss information of national importance, and with them, and documents for internal use only. Finally, the fourth channel loss information, particular importance is their initiative and legal transfer of foreign institutions of political power. By the beginning of World War I the government, political institutions, and with them the intelligence agencies of interested powers (of the enemies of Russia) could have a sufficient understanding of the main directions of the reform of the Russian armed forces, the content and its major lending projects. Introduction to the scientific revolution of previously unknown experts archival documents and materials of Russian press has allowed to substantiate the version of the current practice of mass «brain» of military secrets from zakonosoveschatel'nogo institutions interwar Russia (including abroad).

KEYWORDS: commission of the National Defense, military secrets, military circle secrecy, newspapers, private meetings, espionage

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, Omsk MVD Academy (Omsk, Russia); zverevoma@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Denikin A. I. *Put russkogo oficera* (Moscow, 2003).
- ² Kokovtsov V. N. *Iz moego prashlogo. Vospominanija. 1903–1919 gg.*, 2 books (Moscow, 1992).
- ³ Savich N. V. *Vospominanija* (St. Petersburg – Dusseldorf, 1993).
- ⁴ Smirnov A. F. *Gosudarstvennaja дума Rossijskoj imperii 1906–1917 gg. Istoriko-pravovoj ocherk* (Moscow, 1998).
- ⁵ Guchkov A. I. *Aleksandr Ivanovich Guchkov rasskazyvaet... Vospominanija predsedatelja Gosudarstvennoj dumy i Voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva* (Moscow, 1993).